

На правах рукописи

ЖУРАВЛЕВА ТАТЬЯНА ПАВЛОВНА

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОСТОЯНИЯ ОДИНОЧЕСТВА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
XVIII-XX ВВ. И ФОРМЫ ЕЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ**

Специальность 10.02.04 – германские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Пятигорск – 2017

Работа выполнена на кафедре германистики и межкультурной коммуникации Института романо-германских языков и гуманитарных технологий ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Морозова Маргарита Евгеньевна,
ФГБОУ ВО «Пятигорский
государственный университет»,
профессор кафедры германистики и
межкультурной коммуникации
Института романо-германских языков и
гуманитарных технологий

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
Дреева Жанетта Мурзабековна,
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский
государственный университет
им. К.Л. Хетагурова, доцент кафедры
немецкого языка факультета
иностранных языков

доктор филологических наук, доцент
Черкасова Инна Петровна,
ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет», заведующая кафедрой
иностранных языков и методики их
преподавания Института русской и
иностранной филологии

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Российский
государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена»

Защита диссертации состоится 28 апреля 2017 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.193.02 в ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» по адресу: 357532, г. Пятигорск, проспект Калинина, 9, конференц-зал № 1.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» и на сайте ФГБОУ ВО «ПГУ»: <http://pglu.ru/science/diss/?ID=164658>

Автореферат разослан « » февраля 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Л.М. Хачересова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Одним из важных аспектов исследования национального сознания является изучение общекультурных концептов, сохраняющих в памяти человека типичные жизненные фрагменты опыта, имеющие социальное и культурное значение. Их манифестация в речи, хотя и отражает различные психологические состояния говорящего субъекта, демонстрирует «базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера», свидетельствующее о внутреннем состоянии субъекта [см.: Залевская, 2002].

Ощущение и осознание определенных социо-физиологических состояний человека, одним из которых является состояние одиночества, связаны с отражением экзистенциальной [см.: Гагарин, 2002] интенциональности [см.: Searle, 1983], характеризующей субъекта в актуальном времени («здесь» и «сейчас»). Целостность переживаемого, проявляется в поведении субъекта (в частности речевом) в виде манифестаций языковых и речевых средств выражения.

Интенциональность субъекта (переживающего и говорящего) [см.: Серль, 1987] определяет предметно-смысловую направленность социального поведения интенционального типа личности, которая концентрирует мироощущения индивида, эксплицированные в языковом выражении. Предметно-смысловая направленность представляет собой имманентное свойство отношения индивида к миру и реализует связь языковых значений с коммуникативной направленностью речемыслительной деятельности.

Отсутствие связи с другими людьми вызывает проявление острых эмоциональных реакций. Исследователи различают две основные ипостаси данного феномена: добровольное уединение и вынужденную болезненно переживаемую изоляцию. Обе эти реакции психологически закономерны, а доминанты и комбинации их проявления имеют социокультурную обусловленность, т.е. оправданы типичными для конкретного общества и исторического временного момента перцептивными, когнитивными и аффективными особенностями поведения носителя данного состояния.

В основу настоящего исследования легли положения Дж. Серля об интенциональности как о направленности речемыслительного процесса на социально-психологический объект. Мы рассматриваем ощущение одиночества и его выражение как концентрированное интенциональное отношение субъекта к его типичным мироощущениям: оно воспроизводится автором в художественном повествовании эксплицитно (пропозиционально) или имплицитно (модальная оценка).

Интенциональность обусловлена индивидуально-авторским набором языковых и речевых средств (маркеров), определяющих характер идиолектных репрезентаций интрепретационно-когнитивного пространства языковой личности [см.: Караулов, 2010] / субъекта одиночества [см.: Журавлева, 2014] с учетом особенностей национальной языковой культуры (в частности немецкоязычной). К ним для обозначения применяем понятие «интенциональный тип».

Объект исследования – факты языка, определяемые в работе языковыми и речевыми маркерами интенционального отношения к одиночеству самих субъектов одиночества / авторов о них. Анализу подвергаются разноуровневые единицы (лексемы, словосочетания, предложения, пропозиции, концепты, средства экспликации оценки), реализующие интересующую нас интенциональность. Автор (XVIII–XX вв.) вводит в художественную среду определенное конечное множество интенционально употребляемых им семантических и функционально-смысловых средств (модальных и оценочных слов, коннотаций, структурно-функциональных типов речи), с помощью которых концентрируется состояние одиночества и реализуется типология вариантов этого состояния (интенциональные типы).

Предметом исследования становится концентрация общей предметно-смысловой направленности субъекта одиночества, именуемая концептуальной моделью состояния одиночества, и формы ее реализации и экспликации.

Актуальность данного исследования обусловлена многовекторной/аспектной антропоцентрической направленностью современного языкознания, что подразумевает интерес к способам фиксации художественными средствами объективных социальных фактов в отношении личностей, представляющих социальную значимость. Необходимость объективных критериев в экспликации субъективных состояний ставит вопросы в отношении адекватности тех или иных языковых и речевых маркеров или их комплексов для реализации целостных художественных форм, семантизирующих интенциональное отношение.

Субъективное одиночество определяется переживанием, включает эмоциональный и когнитивный аспекты и оказывает то или иное влияние на развитие личности. Мы решаем в работе не вопрос о значении одиночества для личности, а исследуем целостную художественную форму, которая получает выражение в совокупной работе языковых средств, способна структурировать один или несколько типов интенционального отношения и семантизировать их отличия.

Цель исследования – выявление инвариантности и вариативности способов выражения интенционального отношения субъекта

к переживаемому состоянию одиночества на материале текстов немецкоязычных писателей XVIII-XX вв.

Достижение данной цели требует постановки и решения ряда конкретных исследовательских перспектив и **задач**, как то:

- определить онтологический статус феномена одиночества в его философской, психологической и лингвопрагматической трактовках; выявить на основании анализа различных теоретических подходов наиболее релевантные критерии для определения характеристик интенционального состояния одиночества;

- проанализировать и проинтерпретировать релевантные фрагменты художественных повествовательных немецкоязычных текстов, отражающие интенциональную направленность субъекта одиночества к своему состоянию;

- выявить номенклатуру (и лингвотекстуальный статус) языковых и речевых маркеров интенциональности, свидетельствующих об индивидуально-авторской концептуальной модели феномена «одиночество»;

- установить интенциональные типы в онтогенетической и филогенетической динамике;

- сопоставить выявленные концептуальные модели по их семантической репрезентации, возрастному критерию и в зависимости от эпохи проживания авторов (XVIII, XIX и XX вв.) с целью определения инвариантного интенционального типа.

Основная гипотеза ориентируется на типологию предметно-смысловой направленности субъекта одиночества. Ее экспликация в художественном тексте являет собой концентрацию языковых и речевых фактов, которые в своей совокупности могут быть рассмотрены как «концептуальная модель»: она имеет изоморфный инвариант, получает авторскую вариацию в соответствии с интенциональным типом самого субъекта одиночества.

Такая постановка проблемы предопределила основные **положения диссертации, выносимые на защиту**:

1. В парадигме повествовательных текстов с художественной реальностью субъектов одиночества формулируется констатация определенного, социально обоснованного состояния, вызывающего у персонажа личностно-поведенческую реакцию на уровне «мыслить», «чувствовать». Концентрация такой реальности эксплицируется в формате концептуальной модели «художественного состояния одиночества».

2. Концептуальная модель «художественного состояния одиночества» представляет собой относительно устойчивый реализуемый дискурсивно и вариативно тип высказываний для экспликации персо-

нажа как типа интенционального отношения к своему состоянию одиночества.

3. Интенциональность отношения субъекта одиночества к своему состоянию реализуется семантическими категориями эмотивности, субъективности, модальности, аксиологии и функционально-смысловыми типами речи. Эксплицитные и имплицитные языковые/речевые маркеры: «номинанты одиночества», ключевые признаки состояния одиночества (условия, в которых находится субъект одиночества), типология модальности и функционально-смысловые типы речи представляют собой комплексную структуру концептуальной модели «одиночество».

4. Концептуальная модель «одиночество» репрезентирована несколькими интенциональными типами субъектов одиночества. Интенциональный тип субъекта одиночества не является постоянной величиной и имеет тенденцию к смене своего типа или склоняется к амбивалентности в восприятии своего интенционального состояния по мере взросления или изменения социальных ситуаций/обстоятельств. Амбивалентность в восприятии интерпретируется как признак личностной стабильности субъекта одиночества и является приобретенным качеством, обусловленным онтогенетически.

5. Контексты, репрезентирующие состояние одиночества совокупностью семантически и функционально связанных элементов (лексика, грамматические формы, функционально-смысловые типы речи), позволяют говорить о характерной семантической и концептуальной *изотопии* этих контекстов, что позволяет выявить семантическую структуру авторской концептуальной модели «одиночество» как «изотопный вариант» исходного инварианта «художественного одиночества».

Материалом исследования послужили литературные тексты, в которых авторы описывают состояние одиночества. Были рассмотрены произведения, дифференцируемые по периодам онтогенетической (молодость, взрослость, зрелость) и филогенетической динамики (XVIII-XX вв.): И.В. Гете, Т. Манна; Г. Гессе, С. Цвейга, Э.М. Ремарка. Проанализировано более 4000 страниц текстов художественных произведений.

Критериями выбора материала исследования послужили: две основные характеристики художественных текстов – формальная (повествовательный характер) и сущностная (посвященность теме одиночества); адекватность исследовательского материала. Сопоставление тематической номинации в процессе интуитивного чтения обнаружило расхождение с «номинантами одиночества» Н.В. Подзолковой [2005] за счет расширения как ассоциативного, так и синонимического

рядов, что дискредитировало критерий номинации как решающий фактор отбора текстов для исследования.

Принципы научной системности подсказывают, что номинант (субъект одиночества) образуется скорее на основе фреймовой семантики и предполагает обозначаемого субъекта, взятого для исследования совместно с условиями его существования. Субъект одиночества, как будет показано в работе, тянет за собой основание своего состояния (его ключевые признаки), выраженное соответствующим типом повествования (повествование/описание/рассуждение) и формами модальности (участие, например, грамматической категории *Konjunktiv* в экспликации отношения к миру персонажа автором или самим персонажем, а на семантическом уровне – модальных слов). Комплекс названных факторов (языковых и речевых фактов) уже становится основанием считать тот или иной фрагмент текста релевантным для исследования.

Методологическая база исследования. Диссертационная работа выполнена в русле философской диалектико-материалистической концепции в соответствии с общим принципом, постулирующим всеобщую связь явлений, диалектику взаимодействия категорий количества и качества, формы и содержания, причины и следствия. В соответствии с объектом исследования работа строится на базе антропоцентрической методологии в ее междисциплинарной реализации.

Общей лингвистической, психолингвистической и когнитивно-концептуальной базой исследования послужили работы Н.Д. Арутюновой, А.В. Бондарко, М.Я. Блоха, А. Вежбицкой, Е.М. Вольф, В.Г. Гака, И.Р. Гальперина, Л.И. Гришаевой, В.Д. Девкина, Т.М. Дридзе, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, В.Б. Кашкина, С.Д. Кацнельсона, И.Э. Клюканова, О.А. Коваль, Н.А. Красавского, Е.С. Кубряковой, А.А. Леонтьева, Г.Г. Матвеевой, Е.В. Падучевой, А.П. Седых, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, Н.И. Формановской, Л.В. Цуриковой, В.И. Шаховского, И.А. Щировой и др.

Лингвопрагматическая методология представлена работами Н.Д. Арутюновой, Г.Г. Матвеевой, Ю.С. Степанова, Дж. Серля, Т.А. ван Дейка, Э. Гоффмана, Д. Франк и др.

Методы исследования представляют собой разноаспектный подход в исследовании языкового материала: определившись с выбором художественных произведений, были выработаны критерии, по которым тот или иной фрагмент художественного текста мог быть причислен к релевантным для исследования (*метод обоснованного отбора данных*). Критерии отбора помогли определиться с релевантными языковыми и речевыми маркерами, из которых ассоциативные и синонимичные номинанты были подсчитаны (*метод*

частотно-статистического анализа данных), а все выявленные маркеры расклассифицированы (*структурно-семантический метод*). Классификация маркеров позволила объединить их в концептуальные модели и выявить в них устойчивый структурный инвариант и его дифференциации (*метод семантико-прагматической интерпретации*). Фактически после проделанной подготовительной работы мы провели лингвистический анализ в той его части, которая занимается компоновкой и интерпретацией синтезированных языковых данных (включая структурно-семантический, структурно-функциональный, функционально-смысловой и интерпретативный методы).

Новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нем персонажи немецкоязычных повествовательных художественных произведений, характеризующиеся определенным состоянием одиночества, впервые обобщены в категорию субъектов одиночества. Их целостное культурное значение показано в совокупной работе языковых средств, а характер совокупности описан как относительно устойчивый тип высказываний, типичный в художественном дискурсе. Специфическая концентрация языковых средств, их структурированность и вариативная семантика интерпретируются как *концептуальная модель* состояния одиночества. Такая концептуальная модель устойчива в своей структуре как инвариант и способна репрезентировать варианты модели в зависимости от эксплицируемого ею персонажа как типа интенционального отношения к своему состоянию одиночества.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что в работе развивается тезис о концентрированной экспликации предметно-смысловой направленности субъекта одиночества в рамках художественного текста, которая реализуется в нем в формате концептуальной модели. Концептуальная модель состояния одиночества в парадигме немецкоязычных художественных текстов реализуется вариативно и имплицитно несколько интенциональных типов субъектного отношения к состоянию одиночества. Экспликация интенционального отношения субъекта к некоторому состоянию осуществляется комплексно-вариативным соотношением семантических категорий эмотивности, субъективности, модальности, аксиологии и функционально-смысловых типов речи. В работе на материале немецкого языка выводится номенклатура лексических и текстуальных маркеров интенционального состояния одиночества, определяются языковые характеристики интенционального типа субъекта одиночества, строятся гипотезы о динамике интенционального состояния одиночества в онтогенезе и филогенезе.

Практическая значимость. Выявление семантической структуры авторской концептуальной модели «одиночество» как изотопного варианта исходного инварианта «художественного одиночества» имеет большое практическое значение для лингвистики текста, лингводидактики, теории и практики межкультурной коммуникации. Теоретический и практический аспекты диссертации могут быть использованы при разработке отдельных тем общего языкознания, грамматики речи, лингвистики текста, риторики и стилистики, социолингвистики и психолингвистики, теории коммуникации и межкультурной коммуникации, спецкурсов по прагматике немецкого языка, интерпретации художественного текста и др. Полученные данные могут служить материалом для написания курсовых, выпускных квалификационных и диссертационных работ.

Апробация работы. Основные теоретические положения и практические результаты исследования получили отражение в докладах на международных научных конференциях (София, 2009; Ростовна-Дону, 2010), на региональных и межвузовских конференциях (Пятигорск, 2010; 2012), в четырнадцати публикациях, восемь из которых – в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации. Содержание диссертации изложено на заседаниях кафедры германистики и межкультурной коммуникации Института романских и германских языков, информационных и гуманитарных технологий Пятигорского государственного университета.

Структура работы состоит из Введения, двух Глав, Заключения, Библиографического списка и Приложения.

Общий объем диссертации составляет 268 страниц, основной текст – 165 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор объекта и предмета исследования, его актуальность, ставится проблема, формулируется гипотеза ее решения, определяются основная цель и задачи исследования, дается общая характеристика теоретической базы и методов исследования, раскрывается научная новизна, теоретическое и практическое значение работы.

Первая глава «Теоретические основы изучения состояния одиночества» посвящена обзору исследований, рассматривающих феномен «одиночество» как объект междисциплинарного подхода в антропоцентрической научной парадигме.

Анализ научной литературы, приведенный в первой главе, показывает, что исследуемый феномен всегда находился в центре внимания

немецкой философии и являлся необходимым условием развития души.

По мнению мыслителей различных школ и направлений [см.: Бердяев, 1998; Бубер, <http://www.psylib.org.ua/books>; Гагарин, 2002; Гуссерль, 2009; Денисова, 2008; Ортега-и-Гассет, 1991; Пузанова, 2009; Фромм, 1990] и др.) одиночество – это социокультурный концепт, воплощающий статусное оценивание человеком себя в ситуации социальной изоляции. Оценивание носит амбивалентный характер: с одной стороны, это отрицательное социо-психологическое состояние (отчужденность), а с другой, одиночество – это важное явление и условие развития мышления, науки, литературного творчества.

В психологии феномен «одиночество» трактуется как *аффективно-когнитивная структура* с некоторым набором или конфигурацией знаний и эмоций. Эта структура детерминирует активность субъекта (поведение) и определяет психофизиологические типы, отражающие эмоционально-когнитивные взаимодействия (экстраверт, интроверт).

Учет особенностей генеза и проявления состояния одиночества зависит от онтогенетического развития индивидуума и связан с периодами становления и «личностной зрелости». Релевантными возрастными периодами проявления сознательного отношения к одиночеству являются *молодость, зрелость и зрелость* (В.И. Слободчиков [2007], Э. Эриксон [1968]).

Эмоции и чувства, образующие единый комплекс-переживание, аффективно-когнитивную структуру одиночества, выступают как показатели интенционального отношения и могут быть представлены в виде некоего множества эмоций и чувств, различные сочетания которых можно рассматривать как варианты интенциональности субъекта, производящего высказывание или текст.

Таким образом, ОДИНОЧЕСТВО показано в работе как сложная *аффективно-когнитивная структура*, включающая эмоции *интенционально-рефлексивной* природы, дифференцированные аксиологически. Одиночество – это комплексное чувство (аффективно-когнитивная структура) с оценочным признаком (положительным или отрицательным), которое характеризуется как внутреннее психологическое состояние (переживание) человека, сложная амбивалентная эмоция [Изард, 2006], порождающая также два типа отношения: либо человек сам стремится к одиночеству и находит свое состояние положительным, комфортным, необходимым для духовного или интеллектуального совершенствования, либо ощущает дискомфорт, страдает, болезненно воспринимает это состояние.

Осознание любого значимого для культуры социокультурного и психологического феномена, в том числе феномена «одиночество», находит свое воплощение в семантике языка, коммуникативной деятельности человека и демонстрирует специфику национального сознания. В лингвокультурологическом аспекте представление феномена «одиночество» сводится к формированию концепта, имеющего идиосинкратические (национальные и личностные) проявления.

Наше исследование связано с демонстрацией индивидуально-авторского художественного осмысления и осознания сущности феномена «одиночество». Художественные произведения писателей являются следствием личностно-когнитивного процесса концептуализации факта или состояния одиночества.

Иными словами, концептуализация есть реализация интенционального отношения автора к феномену «одиночество» в идиолектных репрезентациях интерпретационно-когнитивного пространства его языковой личности [Караулов, 2010, с. 264]. Так писатель становится тем «наивным», интуитивным психологом, который не только трактует поведение персонажей как внешние проявления того или иного психологического состояния, но и моделирует эти проявления, исходя из собственного аффективно-когнитивного восприятия той или иной ситуации, которую переживают его персонажи. Художественный текст рассматривается как исследовательский корпус манифестаций некоторых аффективно-когнитивных состояний описываемых персонажей, а также личностных характеристик автора, вариативно отражающихся в его моделировании тех или иных интенциональных типов поведения признанных субъектов одиночества.

Как показывает анализ немецких художественных произведений, отсутствие субъект-субъектных отношений (одиночество) может вызывать два типа поведения – экстравертный и интровертный [Кондаков, 2007]. Примером экстравертного поведения может служить известный герой Д. Дефо. Робинзон Крузо представляет деятельностный интенциональный тип, который в ситуации одиночества заменяет отсутствие субъект-субъектных отношений ($C_1 \leftrightarrow C_2$) на субъект-объектные ($C \rightarrow O$), «заполняет» ситуацию одиночества деятельностью, компенсирует отсутствие субъект-субъектных отношений развитием и разнообразием отношений со средой, с объектами окружающей его природы. Такая деятельность имеет цель вне её самой, преобразует действительность и, в конечном итоге, самоощущение человека в среде. Более того, сам человек преобразует субъект-объектные отношения, превращая их в субъект-субъектные, коммуникативные (попугай, Пятница).

На основе анализа исследованного материала мы выделяем следующие типы интенционального отношения к состоянию одиночества немецкоязычных авторов художественных повествовательных произведений:

– вынужденное одиночество:

- 1) деятельностный тип (модель Робинзона);
- 2) рефлектирующий, переживающий тип (Вертер);
- 3) деятельностно-рефлектирующий тип;

– добровольное одиночество:

- 1) отрицательный, протестный деятельностный тип (Бунтарь);
- 2) рефлектирующий, переживающий тип (Отшельник);
- 3) деятельностно-рефлектирующий тип (Диссидент/Философ-Творец).

Таким образом, в работе выделяются три основных интенциональных типа отношения к одиночеству: деятельностный (ДТ), рефлектирующий (РТ) и деятельностно-рефлектирующий (ДРТ). Например, Г. Белль (в 1963 г. ему 46 лет) в романе «Ansichten eines Clowns» / «Глазами клоуна» так описывает деятельностный тип:

(1) *Fünf Jahre lang bin ich fast jeden Tag irgendwo abgefahren und irgendwo angekommen, ich ging morgens Bahnhofstreppen rauf und runter und nachmittags Bahnhofstreppen runter und rauf, winkte Taxis heran, suchte in meinen Rocktaschen nach Geld, den Fahrer zu bezahlen, kaufte Abendzeitungen an Kiosken und genoss in einer Ecke meines Bewusstseins die exakt einstudierte Lässigkeit dieser Automatik. Seitdem Marie mich verlassen hat, um Züpfner diesen Katholiken, zu heiraten, ist der Ablauf noch mechanischer geworden, ohne an Lässigkeit zu verlieren.* [Böll, 1997, S. 13] / Пять лет подряд я чуть ли не каждый день откуда-то уезжал и куда-то приезжал, утром шел по вокзальной лестнице вверх, потом – вниз, под вечер – вниз, потом – вверх, подзывал такси, искал в карманах пиджака мелочь, чтобы расплатиться с шофером, покупал в киосках вечерние газеты, и в самой глубине души мне было приятно, что я с такой небрежностью проделываю всю эту точно разработанную процедуру. С тех пор как Мария меня покинула, чтобы выйти замуж за этого деятеля Цюпфнера, мои движения стали еще более механическими, хотя и продолжали быть столь же небрежными. [Белль, <http://www.royallib.com/read/bell>]

Рефлектирующий, переживающий тип (РТ) выводит С. Цвейг в новелле «Brief einer Unbekannten»/«Письмо незнакомки» (1922 г. – 41 год):

(2) *Ich wollte nicht glücklich, nicht zufrieden leben abseits von Dir, ich grub mich selbst in eine finstere Welt von Selbstqual und Einsamkeit... Ich trauerte und ich wollte trauern, ich berauschte mich an jeder*

Entbehrung, die ich mir zu der Deines Anblicks noch auferlegte. Und dann: ich wollte mich nicht ablenken lassen von meiner Leidenschaft, nur in Dir zu leben. Ich saß allein zu Hause, stundenlang, tagelang, und tat nichts, als an Dich zu denken, immer wieder, immer wieder die hundert kleinen Erinnerungen an Dich, jede Begegnung, jedes Warten, mir zu erneuern, mir diese kleinen Episoden vorzuspielen wie im Theater. [Zweig, 1985, S. 29] / Я не хотела быть счастливой, не хотела быть довольной – вдали от тебя. Я нарочно замыкалась в мрачном мире самоистязания и одиночества ... Я горевала и хотела горевать, я опьяняла себя каждой каплей горечи, которой могла усугубить мое неутешное горе – не видеть тебя. И, кроме того, я не хотела, чтобы меня отвлекали от моей страсти, хотела жить только тобой. Я сидела дома одна, целыми днями ничего не делала и только думала о тебе, снова и снова перебирая тысячу мелких воспоминаний о тебе, каждую встречу, каждое ожидание; я как на сцене разыгрывала в своем воображении все эти мелкие малозначащие случаи. [Цвейг, <http://www.royallib.com/book/tsveyg>]

В произведении И.В. Гете периода «взрослость» «Italienische Reise» / «Итальянское путешествие» (1786/87 – 38 л.) находим также деятельностный тип добровольного одиночества с элементами рефлексии (ДРТ):

(3) *Die Einsamkeit, nach der ich oft so sehnsuchtsvoll geseufzt, kann ich nun recht genießen; denn nirgends fühlt man sich einsamer als im Gewimmel, wo man sich allen ganz unbekannt durchdrängt. In Venedig kennt mich vielleicht nur ein Mensch, und der wird mir nicht gleich begegnen.* [Goethe, 20066, S. 140] / Одиночеством, по которому я так тосковал, мне наконец-то дано насладиться, – ведь нигде не бываешь более одинок, чем в толчее, через которую ты протискиваешься, никем не знаемый. В Венеции меня знает разве что один человек, да и тот не сразу встретится мне. [Гете, <http://www.royallib.com/read/gete>]

Опираясь в диссертационном исследовании на разработанный Н.Д. Подзолковой [2005] концептуальный анализ языковых манифестаций культурных значений феномена «одиночество», исследовательский художественный материал подчеркивает обогащение и расширение ассоциативно-семантического ряда элементов, актуализирующих данное явление.

Лингвистическая позиция поля [см.: Trier, 1932; Адмони, 2004; Блох, 2011; Бондарко, 2005; Никитина, 2011; Щур, 2009 и др.] помогла нам правильно распределить выявленную лексико-семантическую экспликацию поля «Einsamkeit / Одиночество», полученное на основании анализа литературных текстов. Оно обладает общим ядром и двухполюсной периферией, включающей как положительные, так и

отрицательные признаки, противопоставленные друг другу антиномически, поскольку отражают эмоциональное состояние человека.

Для положительной периферии ядра характерна частотность употребления таких номинативных единиц как: *der Einsiedler* – отшельник, *die Absonderung*, *die Abgeschlossenheit* – уединение, *die Besinnlichkeit* – созерцание; *die rätselhafte Fremdheit* – загадочная диковинность, *köstlicher Balsam* – превосходный бальзам, *die Verblüffung*, *die Verwunderung*, *das Erstaunen* – удивление, *das Wohlgefallen* – удовольствие и т.д.

Для отрицательной – *das Einsam-Stimmen* – одинокое молчание, *seine Gedanken nie ohne einen Anflug von Traurigkeit* – его мысли неизменно с налетом печали, *inneres Sterben* – внутреннее умирание, *die Weltverachtung* – презрение к миру, *die Selbstverachtung* – презрение к самому себе, *der Selbsthaß* – ненависть к себе, *die grausige Isoliertheit* – ужасная изоляция, *der grelle Egoismus* – отъявленный эгоизм, *die Entwurzelung* – отчужденность, *die Wildheit* – дикость, *der Menschenfeind* – недруг и т.д.

Лексико-семантический и интерпретационный анализ позволяют выявить эксплицитные (осознанные) и имплицитные (неосознанные, косвенные) языковые и речевые средства, репрезентующие интенциональные типы, используемые авторами при моделировании переживания одиночества.

Иными словами, исследование, осуществляемое на материале немецкого художественного повествовательного текста (художественный дискурс), сосредоточено на выявлении особенностей аффективно-когнитивного авторского восприятия (авторских вариантов эмоционального множества $vtX(P)$, где «v» – вариантная переменная, «t» – множество, «X» – средства выражения интенционального состояния, «P» – одиночество и его пропозициональные корреляты в отношении пропозициональной ситуации «одиночество») с целью реконструировать процесс концептуализации и выявить тем самым концептуальную модель состояния одиночества в художественном дискурсе как устойчиво реализуемый дискурсивный и вариативный тип интенционального отношения к состоянию одиночества. Такая модель имеет перспективой сопоставление с другими (личностными) концептуализациями одиночества авторами – классиками немецкой литературы [см.: Журавлева, 2016].

Во **Второй главе** «Художественные формы экзистенционального состояния одиночества. Лингвистический анализ» для исследования релевантных фрагментов текста немецкой художественной литературы был применен метод лингвистического анализа, который заключается

в интерпретации синтезированных языковых данных посредством структурно-семантического, структурно-функционального и функционально-смыслового методов/подходов, а также представлен ход и результаты сопоставительного статистического исследования интенциональных типов субъектов состояния одиночества (персонажей) немецкоязычных авторов.

Эксплицитные и имплицитные маркеры, выявленные в тексте, позволили исчислить ключевые признаки состояния одиночества (условия, в которых находится субъект одиночества), основные черты интенционального типа относительно сложившейся ситуации одиночества и типологию модальности в отношении восприятия собственного состояния самим субъектом одиночества.

Анализ рекуррентной частотности употребления языковых и речевых средств позволяет говорить о характерном индивидуально-авторском наборе эмоционального множества $V_{mx}(P)$ и на основе этого структурировать концептуальную модель «одиночество» того или иного автора.

Учитывая возможность расхождения в оценке интенциональности одиночества (положительное – персонаж удовлетворен своим состоянием; отрицательное – персонаж испытывает «недостачу», с которой борется или мирится; амбивалентное – воспринимает «феноменологически» и пребывает в нем «экзистенциально») и взаимодействие меняющихся интенциональных типов одного и того же индивида, выявляем необходимость исследования не только содержательного и лексико-семантического критерия, но и проведения структурно-функционального анализа, определяющего функционально-смысловые типы речи, характеризующие коммуникативную направленность [см.: Гальперин, 1981; Олейникова, 2011 и др.] и функциональную значимость текста [см.: Нечаева, 1974; Жерноклетова, 2014; Мороховский, Воробьева, 1984]. Статистический метод позволяет проследить тенденции в выборе авторами способа подачи информации с целью адекватного структурирования конкретного персонажа, установить общие (инвариантные) черты, обусловленные во многом жанром повествования, что накладывает свои ограничения на репрезентацию вариативной оценки интенциональности тех или иных немецкоязычных авторов теми или иными немецкоязычными авторами.

Анализ текстов, релевантных нашей проблеме исследования, позволяет воссоздать авторский процесс художественной концептуализации и формирования концептуальной модели «одиночество», проследить закономерную возрастную динамику аффективно-когни-

тивных процессов, вызванных состоянием одиночества, что (в конечном итоге) приводит к смене интенционального типа субъекта одиночества (персонажа).

Учет общественно-исторических факторов развития немецкой культуры и литературы XVIII-XX вв. предопределил выбор исследовательского материала. Так с целью отражения в немецкой литературе XVIII века периода противопоставления «Я»-личности общественным устоям мы остановили свой выбор на произведениях И.В. Гете: «Die Leiden des jungen Werthers» / «Страдания юного Вертера» (1774) (далее [G-I]), «Wilhelm Meisters Lehrjahre» / «Годы учений Вильгельма Мейстера» (1795-1796 гг.) (далее [G-II]), «Избирательное сродство» / «Wahlverwandtschaften» (1809) (далее [G-III]); в XIX в. проблемы бытия, воспитания, создания собственного мифологического мира и разрушение патриархальных устоев определили произведения Т. Манна: «Der kleine Herr Friedemann» / «Маленький господин Фридемманн» (1898) (далее [M-I]), «Tristan» / «Тристан» (1902) (далее [M-II]), «Tonio Kröger» / «Тонио Крегер» (1903) (далее [M-III]), «Tod in Venedig» / «Смерть в Венеции» (1912) (далее [M-IV]), «Bekenntnisse des Hochstaplers Felix Krull» / «Приключения авантюриста Феликса Круля» (1954) (далее [M-V]); Г. Гессе: «Peter Kamenzind» / «Петер Каменцинд» (1903) (далее [H-I]), «Steppenwolf» / «Степной волк» (1927) (далее [H-II]), «Glasperlenspiel» / «Игра в бисер» (1943) (далее [H-III]); в XX в. особое значение приобретает социальная, национальная и историческая обусловленность характеров и судеб, соответствие которым мы находим в произведениях С. Цвейга: «Brennendes Geheimnis» / «Жгучая тайна» (1911) (далее [Z-I]), «Leporella» / «Лепорелла» (1920) (далее [Z-II]), «Brief einer Unbekannten» / «Письмо незнакомки» (1922) (далее [Z-III]), «Amokläufer» / «Амок» (1922) (далее [Z-IV]), «Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau» / «Двадцать четыре часа из жизни одной женщины» (1927) (далее [Z-V]), «Verwirrung der Gefühle» / «Смятение чувств» (1927 г.) (далее [Z-VI]), «Schachnovelle» / «Шахматная новелла» (1941 г.) (далее [Z-VII]); Э.М. Ремарка: «Im Westen Nichts Neues» / «На Западном фронте без перемен» (1928) (далее [R-I]), «Drei Kameraden» / «Три товарища» (1938) (далее [R-II]), «Arc de Triomphe» / «Триумфальная арка» (1945) (далее [R-III]).

Каждый релевантный фрагмент текста исследуемых произведений отвечает характерологическим признакам структуры концептуальной модели «одиночество», которая в работе обозначена «инвариантом» состояния одиночества в художественном тексте: причина/мотив одиночества («состояние», «ограниченность контактов», «каузативность», «последствие», «контролируемость/неконтролируемость

эмоций», «местность, безлюдье» и др.) [по: Красавский, 2012]; особенность подачи информации (функционально-смысловые типы речи: описание, повествование, рассуждение, несобственно-прямая речь, контаминация); интенциональный тип субъекта (ДТ, РТ, ДРТ); набор функционально-семантических и модальных маркеров-актуализаторов состояния одиночества.

Приведем примеры:

[1] *Man sehnt sich nach Europa, träumt davon, wieder einen Tag auf einer Straße zu gehen, in einem hellen steinernen Zimmer unter weißen Menschen zu sitzen, Jahr um Jahr träumt man davon, und kommt dann die Zeit, wo man Urlaub hätte, so ist man schon zu träge, um zu gehen. Man weiß, drüben ist man vergessen, fremd, eine Muschel in diesem Meer, auf die jeder tritt. So bleibt man und versumpft und verkommt in diesen heißen, nassen Wäldern. Es war ein verfluchter Tag, an dem ich mich in dieses Drecknest verkauft habe ...* [Zweig, 1959, S. 177] / Тоскуешь по Европе, мечтаешь о том, чтобы когда-нибудь опять пройти по городской улице, посидеть в светлой комнате каменного дома, среди белых людей; год за годом мечтаешь об этом, а наступит срок, когда можно бы получить отпуск, — уже лень двинуться с места. Знаешь, что всеми забыт, что ты чужой, как морская ракушка, на которую всякий наступает ногой. И остаешься, завязнув в своем болоте, и погибаешь в этих жарких, влажных лесах. Будь проклят тот день, когда я продал себя в эту вонючую дыру. [Цвейг, <http://www.lib.ru/INPROZ>]

Перед нами текстовый фрагмент из новеллы С. Цвейга «Амок-läufer»/«Амок» (1922) ([Z-IV]). Основной мотив состояния одиночества, раскрываемый в содержании данного литературного произведения, — это ностальгия, оторванность от родных мест, расставание с родиной. Несобственно-прямая речь иллюстрирует воспоминания экстравертного деятельностного интенционального типа, самооценку и осознание утраты в виде внутреннего монолога. Актуализаторами несобственно-прямой речи служат индикативные пропозициональные глагольные формы настоящего времени, неопределенно-личное местоимение *man*, репрезентирующие «Я-мыслящее» демонстрацией деперсонализации на чужбине, а «Я-чувствующее» — лексическими экспликаторами с отрицательной коннотацией (*vergessen*/покинутый, *fremd*/одинокий, *eine Muschel in diesem Meer, auf die jeder tritt* / ракушка в море, на которую каждый наступает, *versumpft und verkommt* / завязнувший и погибающий).

[2] *Schließlich kam er, im Alter von etwa siebenundvierzig Jahren, auf einen glücklichen und nicht harmlosen Einfall, der ihm oft Freude machte. Er setzte seinen fünfzigsten Geburtstag als den Tag fest, an welchem er sich den Selbstmord erlauben wolle.*

... *Wenn es ihm aus irgendwelchem Grunde besonders schlecht ging, wenn zur Verödung, Vereinsamung und Verwilderung seines Lebens noch besondere Schmerzen oder Verluste hinzukamen, dann konnte er zu den Schmerzen sagen: «Wartet nur, noch zwei Jahre, dann bin ich euer Herr!» Und dann vertiefte er sich mit Liebe in die Vorstellung, wie an seinem fünfzigsten Geburtstag morgens die Briefe und Gratulationen ankommen würden, während er, seines Rasiermessers sicher, Abschied von allen Schmerzen nahm und die Tür hinter sich zuzog.* [Hesse, 1972, S.58-59] / В конце концов, дожив лет до сорока семи, он напал на одну счастливую и не лишенную юмора мысль, которая часто доставляла ему радость. Он решил, что его пятидесятый день рождения будет тем днем, когда он позволит себе покончить с собой.

... Когда ему почему-либо приходилось особенно скверно, когда к пустоте, одиночеству и дикости его жизни прибавлялись еще какие-нибудь особые боли или потери, он мог сказать этим болям: «Погодите, еще два года, и я с вами совладаю!» И потом любовно представлял себе, как утром, в день его пятидесятилетия, придут письма и поздравленья, а он, уверенный в своей бритве, простится со всеми болями и закроет за собой дверь. [Гессе, <http://www.royallib.com/read/gesse>].

В приведенном текстовом фрагменте из романа «*Steppenwolf*» / «*Степной волк*» (1927) ([Н-П]) наблюдаем контаминацию авторского повествования о жизни рефлектирующего интровертного типа с внутренней речью самого персонажа. Тоска и внутренняя опустошенность, обусловленная «ограниченностью контактов», приводит персонаж к лично-субъективным рассуждениям, содержащим угрозу, выраженную повелительным наклонением. Внутренняя речь оформлена в данном случае графически кавычками («*Wartet nur, noch zwei Jahre, dann bin ich euer Herr!*» / «*Погодите, еще два года, и я с вами совладаю!*»). Представления персонажа о желаемом дне актуализованы в форме Konditionalis I (*wie an seinem fünfzigsten Geburtstag morgens die Briefe und Gratulationen ankommen würden.../ как утром, в день его пятидесятилетия, придут письма и поздравленья ...*). Вместе с тем, «Я-мыслящее» актуализуется в авторском повествовании пропозицией, маркирующей результативность мыслительной деятельности (*Schließlich kam er auf einen glücklichen und nicht harmlosen Einfall / в конце концов он напал на одну счастливую и не лишенную юмора мысль; setzte fest / решил*). «Я-чувствующее» актуализовано посредством глагольной конструкции рефлексивной направленности в сочетании с волитивным глаголом – в форме Konjunktiv I (*sich den Selbstmord erlauben wolle / позволю себе самоубийство*), что служит иллюстрацией соблазна персонажа перед допустимой

возможностью покончить жизнь самоубийством, как «запасной выход», которым персонаж готов воспользоваться к своему 50-летию.

Кроме того ассоциативно-семантический ряд речевых элементов, вербализующий концептуальную модель «одинокости» в приведенном фрагменте текста представлен номинацией с приставкой *Ver-* (как показатель застывшего во времени состояния, имеющего продолжительность действия) – *Verödung, Vereinsamung und Verwilderung seines Lebens*, отражающей продолжительность эмоционального состояния; а также актуализаторами-номинантами во мн. ч., *noch besondere Schmerzen oder Verluste / еще особенные боли или потери*, усиливающими негативное эмоциональное поле компонентов.

Сводный интерпретационный лингвистический анализ текстов с целью выявления инвариантных черт концептуальной модели «одинокости» на материале немецкоязычных авторов художественных повествовательных произведений показал следующую динамику. Учитывая наличие в немецком языке двух лексем, отражающих феномен «одинокости» как горизонт человеческого бытия (по Т.Ю. Денисовой [2008]): *die Einsamkeit* (одинокость – чувство, душевное состояние), *das Alleinsein* (одинокость – ситуация, отсутствие кого-либо рядом в настоящее время), а также сем “*allein*” и “*einsam*” (см.: [Duden, www.duden.de/suchen/dudenonline]), трактуемых как “*ungestört/уединенный*” и “*verlassen/покинутый*”, отмечаем минимальную частотность употребления вышеназванных лексических единиц. Вместе с тем, ситуация-факт отсутствия кого-либо рядом, эксплицируемая лексико-семантической единицей «*allein*», характеризуется большей частотностью, чем лексическая единица «*einsam*». Это объясняется первичностью ситуации-факта, а вслед – осмыслением и интенциональным отношением субъекта к сложившейся ситуации. Так, констатируем индивидуально-авторское разнообразие деривационного ряда коренных слов, выраженное актуализаторами-номинантами *Einsamkeit, Alleinsein*, субстантивированными прилагательными и их производными: *Einsamer* (первое упоминание выявлено в произведении [G-II]); *Einsam-Stimme, Einsam-Wacher* ([M-IV]), *Alleinreisender* ([M-V]), *Vereinsamung* (актуализирует продолжительность душевного состояния, встречается в произведениях [H-II], [H-III] [M-V]).

Вместе с тем, выявлено наличие усложненных и окказиональных актуализаторов-номинантов *Einsamkeitszauber / чары одиночества, Einsamkeitsbedürfnis / потребность в одиночестве, Alleingelassensein / бытие оставленного, Alleinbleiben / пребывание в одиночестве, Alleinspielen / игра в одиночестве, Alleingeblihbensein / пребывание*

в одиночестве, *Alleinreisen* / путешествовать одному, *Alleinlebende* / живущие в одиночестве.

Наряду с этим употребляются производные прилагательные и причастия: *vereinsamt* ([M-II], [Z-IV], [Z-VI], [H-I], [H-II], [H-III]), *vereinsam* ([R-III]), *urallein* ([Z-V]), *alleingelassen*, *alleinigen* ([H-III]), *alleinstehend*, *alleinreisend* ([M-V]).

В результате анализа вербализации концептуальной модели «одиночество» обнаруживается расширение синонимичного и ассоциативно-семантического ряда исходных лексем [ср.: Подзолкова, 2005; Красавский, 2008; 2012; 2013а], что подчеркивает художественную возможность автора применять «фреймовую семантику» [Филлмор, 1988] для изображения субъекта одиночества. Взятый в своей цельности (т.е. с учетом «ситуации одиночества», типа повествования о нем / о себе, вида и форм модальности в отношении своего одиночества) субъект демонстрируется в разнообразии художественных моделей, ориентирующихся на тип «художественного одиночки» [см.: Морозова, 2015].

Разнообразие выражено в авторской корреляции языковых и речевых маркеров, демонстрирующих интенциональное состояние одиночества: его причины, номинативные ряды, функционально-смысловые типы речи, вариативное употребление модальных слов.

Прослеживается динамика инвариантного набора «номинант одиночества» по возрастному и культурно-историческому критерию, а также относительно устойчивое взаимодействие экзистенциальных (отождествляющих первостепенно сложившуюся ситуацию-факт) и чувственных (восприятие как следствие сложившегося факта) маркеров. Экзистенциальные номинанты (как и другие маркеры) отмечены доминирующими. Вместе с тем, особый интерес представляют индивидуально-авторские номинативные ряды, характеризующие исследуемый феномен.

Так, в произведениях И.В. Гете установлен доминантный признак «состояние», эксплицируемый чувственными и экзистенциальными номинантами, актуализация которых с возрастом сводится до минимума, демонстрируя тем самым отказ автора от субъективности в изложении.

Отмечаем, в период «молодость» (см. [G-I]) положительно заряженный денотативный ряд актуализаторов-номинант (*köstlicher Balsam* / изысканный бальзам, *Glück/счастье*, *Himmelssonne* / неземное блаженство, *Wonnegefühl* / чувство блаженства, *Vorgefühl/предчувствие*, *предвкушение*, *Glückseligkeit/блаженство*, *Glück/счастье*, *Seelenfreude* / душевная радость) выражает желаемые действия добровольной изоляции, единения с природой активного деятельностного интенцио-

нального типа. В виду сложившихся обстоятельств смена интенциональной направленности субъекта в сторону интровертной рефлексии маркирует отрицательно-оценочный денотативный ряд номинант (*Sünde/грех, Haß/ненависть, Entsetzen/ужас, Verdruß/dосада, огорчение, Todesfurcht / страх смерти*). Взросление и учет социальных устоев (см. [G-II]) характеризуется отрицательно-оценочными актуализаторами-номинантами. С развитием сюжетной линии установлено усиление градуального ряда номинативных экспликаторов негативной направленности: *Unmut/негодование, Leerheit/пустота, Leere/пустота, Wehmut, Entfernung/дистанция, Ferne/даль, дистанция, Trübsinn/уныние, хандра, меланхолия, Leidenschaft/страсть, влечение, Öde/одиночество, пустота, Zweifelnder/сомневающийся, Verzweiflung/сомнение, Zweifelsucht/болезненное сомнение, скепсис, Mühseligkeiten/тягостность, Schmerz(en)/боль(у), Angst/страх, Ängstliches/побое, боязливое, Ängstlichkeit/тревожность, боязливость, Schmerzenstöne / болезненные нотки, Todesfurcht / страх смерти, Seelenleiden / душевные страдания, Leid(en)/страдание(я), Schrecken/ужас, Verdruß / досада, огорчение, Sünde/грех, Haß/ненависть, Entsetzen/ужас usw.* Происходит трансформация $C_{1a} \neq C_2$ в C_3 , деятельностного интенционального типа в рефлектирующий интровертный, сопровождаемая пропозициональными экспликаторами чувственных переживаний, актуализирующими «самокопание» и самоистязание субъекта одиночества (персонажа). «Зрелость» (см. [G-III]) отличают два интенциональных типа: бунтарский и пассивный интровертный рефлектирующий. Вместе с тем, отмечаем доминантную актуализацию номинативного денотативного ряда отрицательной направленности с признаковым компонентом апатии, безразличия и пессимизма (*Unmut / недовольство, негодование, Leere/пустота, Fühllosigkeit / апатия, бесчувственность, Leidenschaft(en)/страсть(у), Empfindlichkeit/восприимчивость, Empfindung(en) / ощущение, восприятие, Verlegenheit(en) / смущение, замешательство, Qual/мучение, Scheu/боязнь, Ferne/удаление, Entfernung/дистанция*).

Исследованием у И.В. Гете установлены характерные индивидуально-авторские дериваты и окказионализмы семы ***Verdruß/обуда, досада***: *verdrießlich/er/недовольный, раздосадованный; Verdrießlichkeit(en) / дурное настроение; verdrießen / огорчать, раздосадовать; Tod(e)/смерть: Tödliches/смертное; Scheintote / кажущиеся мертвые; totenhaft/смертный; totgeglaubt / поверивший в смерть; Todesfurcht / страх смерти; Todesfall / случай смерти* и т.д. Полагаем, что автор, находясь в постоянном поиске новых отношений и ощущений с возрастом отягощен смятениями, чувственными переживаниями и

отголосками прошлого, что приводит активный деятельностный тип к интровертной рефлексии, потере жизненных сил.

Вербализация концептуальной модели «одиночество» Т. Манна выявила основные причины исследуемого феномена: «состояние», «ограниченность контактов», «добровольное уединение», «вынужденная изоляция», «каузативность», «последствие», «местность-безлюдье», «контролируемость/неконтролируемость эмоций». В период «молодость» ([М-I],[М-II],[М-III]) установлена значимая частотность актуализации аудиальных и чувственных маркеров (*Empfindung(en) / ощущение, восприятие, Stimmung(en)/настроение, Stimme/голос, Seele/душа, Taktgefühl / чувство такта, Sehnsucht/тоска, Sehnsüchtige/тоскующие, Leidenschaftlichkeit / страстность, пылкость, Wonne der Gewöhnlichkeit / упоение привычкой*), отражающих амбивалентные попытки познания окружающей действительности доминантно стабильным интровертным рефлектирующим типом. Исключение составляет деятельностный интенциональный тип добровольной изоляции ([М-III]), который субъект-субъектные отношения заменяет творчеством.

В период «взрослость» ([М-IV]) наиболее частотным представлен номинативный ряд с семьей *fremd (Fremder/чужой, Fremdländisches / иноземное, чужое, Fremdengewebe / чужая материя, Fremde/чужбина, Fremdenfalle / чужие случаи, Fremdartiges / странное, непривычное, Fremdheit/чуждость, Entfremdung/отчужденность, Befremdung/недоумение, Befremdlichstes / самое чуждое, Befremder/странный)*, реализуя тем самым основной лейтмотив произведения. К «зрелости» ([М-V]) актуализаторы-номинанты и номинативные словосочетания подчеркивают усиление осознанной инкапсуляции: *Verschlossenheit/замкнутость, Eingezogenheit/уединенность, Beklommenheit / угнетенное состояние, Dasein gefühlvollender Einsamkeit / образ жизни полного одиночества, das Rendezvous zum Alleinsein in Freiheit zu Wort und Tat / желание остаться наедине для слова и дела*.

Характерными индивидуально-авторскими актуализаторами служат одно- и двухкомпонентные атрибутивные сочетания: *eine befangene Zurückhaltung / робкая сдержанность, eine seltsame Beklommenheit / странная сдержанность, ein scharfer drängender Schmerz / острая насыщающая боль usw.*, пропозициональные глаголы семы «чувствовать, испытывать» в сопровождении наречия или причастия, исключающие какую-либо деятельность (*sich abgehetzt fühlen / чувствовать себя загнанным, empfinden / ощущать, испытывать, arbeitete stumm / работал молча, abgeschlossen und unsichtbar, schleppen wir uns an dem Bewußtsein unserer Unnützlichkeit wund und krank / уязвлены и пришиблены сознанием собственной бесполезности usw.*). Вместе

с тем, имманентный признак (в нашем случае возраст) маркирует авторскую экспликацию модели Т. Манна. Выявленный ассоциативно-семантический ряд элементов в период «молодость» отражает корреляцию исследуемого концепта с концептом «боль, тоска»; в период «взрослость» – «страх», «недостача, недоданность», «зрелость» сопряжена с намеренной, добровольной инкапсуляцией. Констатируем стабильно устойчивую интровертную рефлексивную репрезентацию которой выражена чаще внутренней речью персонажа, его субъективными рассуждениями о жизни, совести и собственном противоречивом отношении к миру.

Выявленная индивидуально-авторская концептуализация «художественного одиночества» в виде интровертной рефлексии в произведениях Г. Гессе отмечена доминантно частотным окказиональным рядом актуализаторов-номинантов. Большая часть авторских новообразований воспринимается как продолжительное «застревание» в болезненных и мучительных переживаниях, самопрезрение и самоистязание.

Как свидетельствуют данные исследования, окказионализмы представляют собой совокупность основ, определяемой частью из которых являются чаще модальные глаголы (*Lebensmüssen, Lebenwollen, Nichtlebenkönnen, Nichtsterbenkönnen*), либо экзистенциальный «являться» (*Fremdgewordensein*), либо актуализаторы семы «чувствовать, испытывать» (*Sichfremdfühlen, Wirklichkeitsentfremdung, Menschensehnsuch, Sichdurchschlagen, «Schwerlebiger», Leidensbereitschaft, Sehnsuchthaben, Steppenwolfigkeit, Selbstmördertum*). Вербализация исследуемого феномена сводится к его описанию, а не обозначению. Характерными функционально-смысловыми типами речи у Г. Гессе выявлены повествование и несобственно-прямая речь в виде внутреннего монолога. Во все временные периоды прослеживается деятельностно-рефлектирующий интенциональный тип субъекта одиночества, который в «молодости» находит гармонию в единении с природой, во «взрослости» пересечение миров (реального и фантастического), вынужденная «ограниченность контактов», «каузативность» влекут интровертный рефлектирующий тип к деятельности (бунтарству), а в «зрелости» «последствие», «контролируемость/ неконтролируемость эмоций» сводит деятельностно-рефлектирующий тип к амбивалентности. Частотность рекуррентно актуализируемых чувственных маркеров с возрастом (как персонажа, так и автора) угасает. Добровольная изоляция, отшельничество в период «зрелость» устанавливается набором экзистенциальных маркеров, совокупность производных которых отражает личностное становление персонажей, осмысление

жизненных позиций, и стабильное амбивалентное отношение к состоянию «одиночество».

Экспликация концептуальной модели «одиночество» в произведениях С. Цвейга в период «молодость» (см. [Z-I]) выражена перцептивно-образными ассоциатами-номинантами, производными от прилагательных с суффиксом -los: *Arglosigkeit/доверчивость*, *Machtlosigkeit/бессилие*, *Hilflosigkeit/беспомощность*, либо субстантивированными прилагательными: *Nutzloses/бесполезное*, *nenntloses/ненужное*, *Hilfloser/беспомощный* и т.д. Детские чувственные переживания состояния покинутости отображает градуальный набор аудиально-визуальных маркеров в виде номинативных словосочетаний отрицательной направленности: *sinnlose Angst / бессмысленный страх*, *grenzenloser Haß / безграничная ненависть*, *fassungslose Wut / помрачающая ярость*, *verwirrende Finsternis / запутанная темнота*, *ratlose Dunkelheit / растерянная темнота*, *seelische/tierische Grausamkeit / душевная, животная жестокость*, *Gefühl seiner Unwertigkeit, seiner Nichtigkeit / чувство ничтожности и никчемности*. Установлен вариативный набор окказиональных актуализаторов-номинатов «состояния» одиночества: *Stummsein/молчаливость*); *Verlassensein/одиночество*; *Verlassenheit/покинутость*; *Schmerzhaftigkeit / болезненность, мучительность*; *Zärtlichkeitsbedürfnis / потребность в нежности и т.д.* Возрастные периоды «взрослость» ([Z-III], [Z-II], [Z-IV]) и «зрелость» ([Z-V], [Z-VI], [Z-VII]) отличается малозначительная частотность экспликативных интенциональных состояний «одиночество». Вместе с тем, выявленные основные причины «состояния» одиночества у С. Цвейга (отсутствие доверия, ограниченность контактов, потеря близких, добровольная осознанная изоляция деятельностных интенциональных типов, вынужденная изоляция – местность-безлюдье) сводятся к демонстрации интровертной рефлексии Доминирующей композиционно-речевой структурой текста показана контаминация повествования с элементами рассуждения, репрезентуемая либо повествователем-рассказчиком, либо персонажем. В ходе анализа установлена возрастная закономерность, которая подчеркивает снижение актуализации чувственных маркеров и смену их содержательной/функциональной направленности: речемыслительный процесс молодых персонажей автор наделяет лексемой «*Seele*», а мудрых, наделенных опытом, например, профессора – лексемой «*Geist*» и дериватом «*geistig*»

Рассматривая языковую репрезентацию концептуальной модели «одиночество» в романах Э.М. Ремарка, среди ассоциативного ряда элементов выделяем наличие номинантов-композитивов, с семами **чувство**: *Heimatgefühl / ностальгия по Родине*, *Solidaritätsgefühl /*

чувство солидарности, *Zusammengehörigkeitsgefühl* / чувство солидарности, чувство взаимосвязанности; **смерть**: *Totenanzlitze* / мертвые образы, *Totenzimmer*/мертвецкая, *Totenhalle*/мертвецкая, *Todesangst* / смертельный страх, *Todesbrüllen* / смертный ор, *Todfeinde*/смертельные враги, *Todesursache* / причина смерти, *Todesfälle* / смертельные случаи; *страх*: *Angstanfall* / приступ страха, *Hundeangst* / собачий страх, *Heidenangst*/ужас, *Unterstandsangst* / страх бомбоубежища; **дом, очаг**: *Heimweh* / тоска по дому, *Heimatpaß* / родной паспорт, *Heimatgefühl* / ностальгия по Родине, *Heimkehr* / возвращение домой, *Erholungsheim* / дом (база) отдыха, *Soldatenheim* / клуб воинской части, *Heimstuben* / родные спальни и т.д.

Принимая во внимание военно-исторические факты, отмечаем особенность языкового пространства анализируемого субъекта интенционального состояния одиночества. Иными словами, лексико-семантический набор маркеров, актуализирующих исследуемый феномен «одиночество» продиктован жизненными условиями. Т.е., в период «молодость» прослеживается наличие лексем *Tage/дни*, *Krieg/e/война(войны)*, *hören/слушать (слышать)*, к «взрослости» эти слова сменяют лексемы *denken/думать*, *Augenblick/мгновение*, *Abend/вечер*, *abends/вечерами*, *abendlich/вечерний*, *(Schlaf/Wohn/Vor)zimmer/спальня/гостинная/передняя*, *(Nacht/Teufel/Tanz)lokal/ночной трактир* и т.д.. Объясняется это тем, что война закончилась, оставив лишь долгие вечера и осознание безысходности. Индивидуально-авторская вариативность концептуальной модели «одиночество» обусловлена нарушением пространственно-временной перспективы, свидетельствующая о потере, зажатости субъекта во времени и пространстве, которые с возрастом усугубляются. Желание субъекта отключить чувственные представления, не ощущать грань собственной безысходности актуализовано лексемами: *(ein)schenken; trinken; Trinken; Trinksucht; Trunkenheit; Betrunkene(r); betrunken; kippen; Trinkerei; Betrunkeneit* и т.д. В целом, признак «состояние» является доминантным. Его экспликация продиктована рефлектирующими отрицательно-оценочными коннотациями, к периоду «зрелость» отмечено амбивалентное отношение субъекта (персонажа). Вместе с тем, зафиксирована динамика интенционального отношения субъекта к вынужденной ситуации одиночества, объяснимая сменой сложившихся обстоятельств и переоценкой жизненных ценностей. Продуктивной композиционно-речевой структурой текста у Э.М. Ремарка является несобственно-прямая речь, реализующая интенциональное отношение исследуемого феномена, что объясняется внутренними переживаниями персонажа, а не мыслительными операциями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования процесса концептуализации интенционального состояния одиночества на материале немецкоязычного повествовательного текста XVIII-XX вв. установлен дискурсивный инвариант интенционального отношения, который рассматривается нами как концептуальная модель «одиночества». Данная модель являет собой концентрированную структуру взаимодействия эмотивных, субъективных, модальных и аксиологических маркеров. Соразмерность участия маркеров от автора к автору отлична, что и определяет индивидуально-авторскую вариативность выражения интенционального отношения к переживаемому феномену «одиночество». При этом совокупность маркеров («номинантов одиночества», модальных маркеров «уверенности/неуверенности», функционально-смысловых типов речи) показывают в нашем исследовании устойчивую зависимость вариативности интенциональных типов отношения к одиночеству от возраста индивида.

«Номинанты одиночества», реализующие концепт «одиночество», выявили в немецкоязычных художественных повествовательных текстах стереотипично минимальную частотность содержания ядерных экспликаторов. Вместе с тем глубинный смысл исследуемого феномена формируют значимо частотные функционально-семантические единицы ближней и дальней периферии, в состав которых вошли ассоциативно-семантические и тематические элементы, реализующие не обозначение, а описание явления «художественное одиночество».

В качестве характерной функционально-смысловой композиции текста установлена закономерная контаминация типов речи как средство усиления конкретного интенционального типа по отношению к своему состоянию, либо как средство маркировки переключения на другой интенциональный тип.

При этом авторское повествование, демонстрирующее доминантный признак («состояние» одиночества), является стереотипичным показателем. В то же время выявлены: персонажное повествование с элементами рассуждения или несобственно-прямой речью (С. Цвейг и Т. Манн); персонажное повествование с элементами внутренней речи и повествование от лица повествователя (Г. Гессе); душевные переживания персонажа, оформленные в виде несобственно-прямой речи (С. Цвейг, Э.М. Ремарк), диалогическая речь как косвенное отражение концептуальной модели «одиночество» (И.В. Гете, Э.М. Ремарк, Т. Манн).

Фактор модальности выделен как еще один критерий модельной вариации интенциональных типов отношения к феномену «одиночество». Учет грамматических форм модальности (Konjunktiv I, II, Konditionalis I) и лексико-семантические группы слов (модальные слова) установили стабильную реализацию уверенного интенционального типа, которому свойственны чувственные переживания (И.В. Гете, С. Цвейг), рассуждения, предположения (И.В. Гете, Г. Гессе, Т. Манн) и добровольная изоляция, отстраненность (Т. Манн).

Совокупность трех опорных критериев интенционального отношения к одиночеству, вербализованных вариациями языковых и речевых маркеров, эксплицирует субъект одиночества в разнообразии типов. Проведенный анализ интерпретативного комментирования выявил доминанту интенционально деятельностного типа ($C_{1a} \neq C_2$), который в виду сложившихся обстоятельств предпочитает в дальнейшем интровертную рефлексию ($C \neq C_2$); в онтогенезе типичным становится амбивалентное отношение к собственному состоянию одиночества.

Основной итог проведенного исследования заключается в следующем.

Стереотипичный набор эксплицитных и имплицитных языковых/речевых маркеров, актуализирующих предметно-смысловую направленность субъекта одиночества в рамках художественного текста, реализуется концептуальной моделью, содержащей характерные лексико-грамматические «номинанты одиночества», модальные маркеры «уверенности/неуверенности», функционально-смысловые типы речи, что позволяет говорить о некоем практически стабильном изоморфном инварианте интенционального отношения к состоянию одиночества немецкоязычных писателей на протяжении трех веков и подтверждает гипотезу исследования.

Перспектива данного диссертационного исследования видится в осуществлении лингвокультурных сопоставлений других феноменов, концентрирующих в себе предметно-смысловую направленность.

Основное содержание работы изложено в следующих публикациях:

Научные статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях (по перечню ВАК при Минобрнауки РФ):

1. Журавлева, Т.П. Актуализация феномена одиночества немецкими авторами 18-20вв. (Прагмалингвистический эксперимент) / Т.П. Журавлева // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета – Пятигорск, 2013. – № 1. – С. 180-186 (1,1 п.л.).

2. Журавлева, Т.П. К исследованию речевого портрета автора художественного текста: прагмалингвистический подход / Т.П. Журавлева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 3 (33): в 2-х ч., ч. I. – С. 79-84 (1 п.л.).
3. Журавлева, Т.П. Идентификация речевых портретов авторов художественных текстов как субъектов состояния одиночества / Т.П. Журавлева // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – 2014. – № 2, т. 1: Филология. – С. 226-234 (0,8 п.л.).
4. Журавлева, Т.П. Речевое поведение субъектов состояния одиночества (на материале текстов немецкой художественной литературы) / Т.П. Журавлева // Вестник Челябинского государственного университета – Челябинск, 2014. – № 10 (339): Филология. Искусствоведение, вып. 90. – С. 64-71 (0,8 п.л.).
5. Журавлева, Т.П. Вариативность речевого поведения как отражение психического состояния субъекта одиночества (на материале текстов немецкой художественной литературы) / Т.П. Журавлева // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – № 6, т. 1. – С. 253-261 (1 п.л.).
6. Журавлева, Т.П. Контексты концептуализации одиночества в романах Э.М. Ремарка // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск, 2015. – № 3. – С. 194-199 (1,1 п.л.).
7. Журавлева, Т.П. Вербальные репрезентации личностного концепта «одиночество» (на материале писем Ф. Кафки) // Вестник Московского государственного областного университета. – М., 2015. – № 5. – Серия: Лингвистика. – С. 84-91 (0,8 п.л.).
8. Журавлева, Т.П. Концептуальное поле феномена одиночество (на материале произведений Т. Манна // Вестник Московского государственного областного университета. – М., 2016. – № 6. – Серия: Лингвистика. – С. 24-34 (1,4 п.л.).

Публикации в других изданиях:

9. Журавлева, Т.П. Author as the subject of intentional feeling of loneliness (based on S. Zweig's stories) / Т.П. Журавлева // Наука и технологии / 4th International Conference on Science and Technology (25-26 October 2014). – 2014. – С. 98-106 (0,5 п.л.).
10. Журавлева, Т.П. Одиночество в этимологическом, психологическом и историческом аспектах / Т.П. Журавлева // Основные проблемы современной науки: материалы международной практической конференции. – София, 2009. – Т. 16. – С. 95-101 (0,4 п.л.).
11. Журавлева, Т.П. Одиночество в немецком языковом сознании / Т.П. Журавлева // Динамика современной науки: материалы

- международной практической конференции. – София, 2009. – Т. 10. – С. 22-24 (0,2 п.л.).
12. Журавлева, Т.П. «Кровь дракона» или безысходность / Т.П. Журавлева // Прагмалингвистика и практика речевого общения: материалы международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону, 2009. – Вып. 3. – С. 173-176 (0,3 п.л.).
 13. Журавлева, Т.П. Одиночество как когнитивно-коммуникативное сознание / Т.П. Журавлева // Университетские чтения – 2010. – Пятигорск: ПГЛУ, 2010. – Ч. IV. – С. 105-109 (0,4 п.л.).
 14. Журавлева, Т.П. Одиночество или примирение с самим собой (по роману Г. Гессе «Степной волк») / Т.П. Журавлева // Университетские чтения – 2012. – Пятигорск: ПГЛУ, 2012. – Ч. IV. – С. 133-136 (0,25 п.л.).

Подписано в печать 21.02.2017
Формат 60×841/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,3. Тираж 100 экз. Заказ №

Пятигорский государственный университет
357532 Пятигорск, пр. Калинина 9
Отпечатано в Центре информационных и образовательных
технологий ПГУ